

ГЛАВА 15

Сон Никанора Ивановича

Аркан 15. Наименование: Дьявол.

Буква евр. алф.: **Ⓛ** Самех.

Иероглиф: Стрела, движущаяся по окружности.

Числовое значение: 60.

Гностический символяриум: *Оппозиция; Экзаменация; Судьба (Суть Ба & Суд Ба); Испытание; Мистический агент; Великий Змей; Мир этот; Сей-смог граф; Логика.*

Графические символы: *три пентаграммы;
пентаграмма над Кабалистическим древом;
пять треугольников.*

Астральный знак: ♐ Стрелец.

Орденское описание. На кубическом камне-троне, поставленном на шар (земной) восседает Владыка Мира сего — Сатанаил, представленный символической фигурой Бафомета с характерными признаками андрогинности: мужскими руками и торсом, женскими грудями и животом; птичьи ноги и перепончатые крылья — намёк на хозяев и подданных Ночи, сову (филина) и летучую мышь. Из пупа живота, напоминающего полушарие Земли, произрастает кадуцей — символ двойной спирали ДНК, концепт *космического генокода*, творящая пуповина Небесной Иерархии¹.

Жесты его аналогичны жестам *Мага*: *правая* (мужское начало) рука поднята вверх, на ней надпись *solve* (разрешай, разрежай, растворяй); *левая* (женское начало) рука, держащая факел, опущена вниз, на ней надпись *coagula* (сгущай). Справа и слева от трона (каждый под *своей* рукой²) стоят обнажённые Адам и Ева. История Возлюбленного ($15 \rightarrow 1 + 5 = 6$) имеет продолжение в обыденности и монотонности человеческого существования: оба человека прикованы одной цепью к земному шару; цепь охватывает мужчину петлёй за шею, женщину — за чресла³. Они являются рабами Земли и подданными её Владыки: Ева — бесконечным деторождением, Адам — обслуживанием “гнезда”.

Небесный огонь, низведённый на землю, стал символом семейного уюта внутри домашнего очага; космический размах сузился до размеров жилища, а понятие *коагуляции* намертво приросло к физиологии размножения.

Гностическая доминанта аркана *Logica*, с одной стороны, понятийно связана с Планетарным Логосом, с другой — пародирует псевдомогущество человеческого рассудка, который без взлёта за пределы своей плоскостной ограниченности не способен подсоединиться к собственному божественному истоку и выскочить из неразрешимых на земле проблем человеческого бытия.

В общем — *муж и жена одна сатана*⁴.

Чтобы держать людей в эволютивном положении и одновременно соединять между собой пары, Сатанаил-Люцифер должен замаскировать лицо инволютивной пентаграммовидной *харей*. “Мы *пали*, — говорит Григорий Оттонович Мёбес, — т.е. поддались *козлиному* толкованию пентаграммы”.⁵ Впрочем, Сатанаил “не обижается” на человеческий род за отрицательное к себе отношение: на то и театр, чтобы зрители не читали ничего дальше грима. Воланд надевает маску на выступлении в театре Варьете с целью быть сразу узнаваемым, а не прятать лицо.

Итак, в (сто) девятнадцатую палату поступил *толстяк с багровой* — под цвет *солнца* — физиономией. Первым определением Булгаков напоминает о его прозрачном прототипе, а вторым подключает к “подкусону” царственный цвет “короля

¹ На рисунке Памелы Смит отсутствуют.

² У Памелы Смит этот момент не учтён.

³ У Памелы Смит этот момент также не учтён.

⁴ Вот откуда в этом феноменальном русском присловии женский род в *сатане*!

⁵ Г.О.М. Курс энциклопедии оккультизма. К., 1994; 252.

русской литературы”. “Добивает” набор опознавательных знаков фамилия пациента, который принципиально остаётся *босым* во всех случаях жизни.⁶

Однако к Стравинскому Никанора Ивановича привезли уже дотлевать, а сначала его обработали по нужде совсем в другом заведении. Разговор там был короткий и прямой, а вот ответы его смахивали на балаган и умышленное придуривание.

Так, на вопрос насчёт валюты Никанор Иванович, истово крестясь, запричитал вдохновенно:

“— Бог истинный, бог всемогущий, всё видит, а мне туда и дорога... Господь меня наказует за скверну мою!”

Нахлебавшись всей этой стравинщины, сотрудники Учреждения попросили Никанора Ивановича *не валять дурака* и заговорить, наконец, *на человеческом языке*.

“Тут комнату... огласил дикий *рев*⁷ Никанора Ивановича, вскочившего с колен:

— Вон он! Вон он за шкафом! Вот ухмыляется! И пенсне его... Держите его! *Окропить* помещение!”

Это, не иначе, царь Борис, причём в шаляпинском исполнении. *А кровь пить* в последнем восклицании Булгаков не пропускает:

“*Кровь отлила* от лица Никанора Ивановича, он, дрожа, крестил воздух, метался к двери и обратно, запел какую-то молитву и, наконец, понёс полную околесину”.

Тогда, за полной непригодностью к дальнейшему дознанию, Никанора Ивановича и доставили в клинку Стравинского. Тут ему сделали впрыскивание по рецепту автора «Петрушки» (согласно методу *клином-клин*), после чего Босому приснился, нет, *привиделся сон золотой* (напоминаю, что *золото* и *солнце* идеографически обозначаются одинаково: $\bigcirc$ окружность с точкой посередине).

Пересказывать сон не имеет смысла, следует лишь отметить, что артифицированное судилище озаменовано *восемь* раз повторяющимся словом *золото* (и производными), и в памяти возникает образ Фемиды — юриспруденции. Чуть меньше — *семь* раз — перекачивается по рассказу фамилия “поэта Пушкина” (это наиболее *пушкинская* глава Романа). Восьмёрка золота и семёрка «солнца русской поэзии» дают в сумме номер аркана и главы. МХАТовское присутствие чувствуется в сцене чтения Саввой Потаповичем Куролесовым (в нём угадывается Василий Иванович Качалов) «Скупого рыцаря» и в реплике «Верю!» “артиста, ведущего программу” (намёк на Станиславского, безотносительно к прямой сюжетике происходящего). “Весёлый ” кошмар Босого имеет под собой абсолютно реальную подоплёку. “Уже в 1918 г. пошли повальные конфискации ювелирных вещей и предметов антиквариата, проводимые через ВЧК Петроградской Художественной комиссией по охране памятников искусства и старины, причём «за доставление сведений

⁶ В «Белой гвардии» Булгаков тщательно выписывает образец подражания: “...прошёл плещущий гавот в три часа дня, и совершенно неслышимым пришёл тот, к кому через заступничество смуглой девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благодостный, и *босой*” (45; 253).

⁷ Вспоминается знаменитое “Толстой как зеркало русской рев...”

о местонахождении благородных металлов и изделий из них установлена в пользу осведомителя премия в размере 5% с общей суммы стоимости их».⁸

В дальнейшем эта экспроприация стала оформляться многочисленными «декретами». Так, 13 июня 1920 года вышло новое постановление Совнаркома, прямо и недвусмысленно озаглавленное «Об изъятии благородных металлов, денег и разных ценностей». Теперь конфискации подпали, независимо от количества, все платиновые, золотые и серебряные монеты...

С конца 1929 года начинается знаменитая золотая лихорадка, только лихорадит не тех, кто золото ищет, а тех, из кого его трясут. Особенность нового “золотого” потока в том, что этих своих кроликов ГПУ, собственно, ни в чём не винит и готово не посылать их в страну ГУЛАГ, а только хочет отнять у них золото по праву сильного... От потоков предшествующих, от потоков последующих этот отличается тем, что хоть не у половины, но у части этого потока своя судьба трепыхается в собственных руках. Если у тебя на самом деле золота нет — твоё положение безвыходно: тебя будут бить, жечь, пытать и выпаривать до смерти или пока уж действительно не поверят. Но если у тебя золото есть, то ты сам определяешь меру пытки, меру выдержки и свою будущую судьбу” (70; 340-341).

“Семидесятилетний академик рассказывал, как в 1932 (или 1933) году забрали всю его семью, и следователь говорил: «Что — не отдаёте, ждёте, когда мы уйдём? Мы уйдём, но мы так хлопнем дверью, что полетят головы».

Знаете как это происходило? — рассказывал академик. — В маленькую камеру напихивают по 10 человек, можно было только стоять. Что тут творилось! Дети кричали на родителей — «Отдайте золото! Пусть нас выпустят! Мы больше не можем!..»”.

А вот рассказ об известном ленинградском враче Б. И. Ахшарумове: “После двухдневного пребывания на Нижегородской улице (т.е. во внутренней тюрьме НКВД) Борис Иванович пришёл домой в сопровождении двух агентов и указал им на закрытую на зиму балконную дверь. Агенты эту дверь распечатали, взяли замурованную на балконе шкатулку с ценными вещами и ушли. Ранее общительный и даже весёлый Б.И. после этого стал неузнаваемым. Два дня он молчал, а потом: «После того, что я пережил, что мне пришлось перенести, я жить больше не могу!» Ночью он отравился морфием. На этот раз его удалось спасти..., но неделю спустя... он бросился вниз с злополучного балкона. <...> Смерть была мгновенной” (22; 570).

Так что Булгаков точно выбрал тональность изложения — документальный бред трагического карнавала. Место действия — Колонный (или Октябрьский) зал Дома Союзов, где ставились пышные спектакли показательных процессов. Столетие со дня смерти Пушкина, отмечавшееся (с большим политическим прицелом) как всенародное торжество (!), навсегда зафиксировало 1937 год своим могильным холодом. Своеобразно понятое Пушкинское “Души прекрасные порывы!” превра-

---

⁸ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб, 1996; 567.

щало всё в сюрреалистическую фантасмагорию, шагавшую по стране под бодрячковые звуки «Весёлых ребят».

Неудивительно, что, захлёбываясь шизофренией, *нервный тенор* пел:

“Там груды золота лежат, и мне они принадлежат!”

Получается своеобразная шахматная доска из восьми названий *золота* (по горизонтали) и восьми упоминаний *Пушкина* (по вертикали)⁹. Причём в Германовой руладе обе темы встречаются, передавая *никовое* положение страны и героя драмы.

“— Пусть Пушкин им сдаёт валюту,” — жаловался и причитал, пока ему делали укол, пробудившийся Босой, подытоживая шарм и зализывая шрам кошмара.

“Но благодаря его выкрикам (имени валютного поэта. — ОК) тревога передалась в (1)20-ю комнату, где больной проснулся и стал искать свою *голову*, и в (1)18-ю, где забеспокоился неизвестный мастер и в тоске заломил руки, глядя на *луну*...”

Передалась тревога и звезданутому любимцу октябрят Ивану Бездомному в (1)17-ю, и весь этот огромный таротный пароход вновь медленно вплыл с Ивановой дрёмой в призрачный, но абсолютно подлинный Ершалаим.

---

⁹ Восьмое — прозрачное авторство слов теноровой рулады.